

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.5>

Корниенко Кристина Борисовна

**Стилистическая контаминация в деловой переписке 30-х годов XX века**

Статья посвящена явлению стилистической контаминации в деловой переписке 30-40-х гг. XX века. Предметом научного рассмотрения становятся факторы стилистической контаминации в официально-деловом стиле, что обуславливает новизну работы. Выявляются жанровые особенности деловых писем, анализируется механизм стилистической контаминации в деловом языке, что обеспечивает достижение целей и решение задач данной статьи. Полученные результаты показали, что расширение стилистического и речевого поля в субжанрах личного дела происходит с помощью как кодифицированных единиц языка, так и разговорных речевых средств.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/2/2020/4/5.html](http://www.gramota.net/materials/2/2020/4/5.html)

Источник

**Филологические науки. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 28-31. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/2.html](http://www.gramota.net/editions/2.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/2/2020/4/](http://www.gramota.net/materials/2/2020/4/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [phil@gramota.net](mailto:phil@gramota.net)

УДК 811.161.1

Дата поступления рукописи: 03.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.5>

*Статья посвящена явлению стилистической контаминации в деловой переписке 30-40-х гг. XX века. Предметом научного рассмотрения становятся факторы стилистической контаминации в официально-деловом стиле, что обуславливает новизну работы. Выявляются жанровые особенности деловых писем, анализируется механизм стилистической контаминации в деловом языке, что обеспечивает достижение целей и решение задач данной статьи. Полученные результаты показали, что расширение стилистического и речевого поля в субжанрах личного дела происходит с помощью как кодифицированных единиц языка, так и разговорных речевых средств.*

**Ключевые слова и фразы:** личное дело; жанр делового письма; гипержанр; субжанр; стилистическая контаминация; идеологема.

**Корниенко Кристина Борисовна**

Северный государственный медицинский университет, г. Архангельск  
selvi-ch@mail.ru

## Стилистическая контаминация в деловой переписке 30-х годов XX века

С целью развития филологической науки необходимо привлекать в область исследования новые лингвистические источники. Мы обратились к материалам личных дел Архангельского государственного медицинского института 30-40-х годов XX века, которые до настоящего времени не включались в круг филологического анализа. Личное дело (далее – ЛД) – это комплекс документов, объединенных одним референтом (человек как социальный субъект) и референтной ситуацией (социальная учебно-профессиональная траектория жизни данного субъекта). Круг материала мы ограничили ЛД студентов, в которые собираются документы, разнообразные по цели, форме, в том числе отдельные тексты деловой переписки – записки и письма самого студента, его социального окружения (родственники, друзья, преподаватели и др.). В ходе исследования мы используем материалы открытого корпуса ЛД (для анализа контаминации были использованы материалы 107 дел). Из каждого дела были извлечены документы, которые по (структурным, композиционным, функциональным и содержательным) жанровым признакам относятся к деловой переписке.

**Актуальность** нашего исследования обуславливается: 1) социально-политическим статусом особого для страны периода – сталинской (предвоенной) эпохой; 2) вниманием лингвистов к формированию единой нормированной системы в деловой письменности; 3) сложностью и текстовой значимостью стилистического явления контаминации.

**Научная новизна** работы обусловлена: 1) материалом, т.к. впервые в круг стилистического анализа вводятся личные дела 30-40-х гг.; 2) предметом исследования, поскольку стилистическая контаминация рассматривается в рамках официального стиля.

**Цель** нашей статьи – ввести в научный оборот новые тексты делового письма и проанализировать механизм стилистической контаминации в условиях процесса стандартизации делового языка 30-40-х годов XX века. В соответствии с целью определим **задачи**:

- 1) выявить факты стилистической контаминации в деловых письмах;
- 2) описать речевые средства и речевые механизмы;
- 3) смоделировать факторы, определяющие данное стилистическое явление.

**Предметом** нашего исследования является стиль деловой переписки, а **объектом** – стилистическая контаминация. Для анализа текстовых и языковых единиц мы использовали **методы** семантического, стилистического и дискурсивного анализа. Основными понятиями исследования являются *жанр делового письма, стилистическая контаминация*. Рассмотрим перечисленные термины подробнее.

История возникновения делового письма представлена в работах Л. Есиной, Р. М. Мосеева, С. В. Русаковой [5; 8; 11] и др., где определены векторы и этапы развития норм, формирование стандартов деловой документации. Многие исследователи рассматривали термин «деловое письмо» (И. Н. Кузнецов, В. А. Кудряев, Р. Н. Мосеев, М. В. Васильев, В. Ф. Янковая и др.) и по-разному его трактовали; сложился ряд синонимов: *служебное деловое письмо официальное письмо, деловая корреспонденция, служебное письмо, деловое письмо, переписка*. Деловую переписку возможно репрезентировать с разных позиций: как социальную практику; как коммуникативный и/или прагматический контекст [17]. С позиции лингвистики деловое письмо рассматривается как: 1) обычный текст; 2) деловой текст со специфическими признаками, обусловленными различными контекстами – социальным, коммуникативным, прагматическим; 3) особый вид делового текста с жанрово-стилистическими характеристиками; 4) комплекс специальных языковых средств. С позиции теории речевых жанров, деловое письмо – это некий «шаблон» текста, включающий тематический, композиционный и стилистический компоненты, встраиваемые в тот или иной тип текста с определенными коммуникативными задачами и параметрическим учетом адресанта и адресата. Отметим, что жанр делового письма располагается на границе эпистолярной и официального документа, разграничителем здесь выступает речевая интенция как неотъемлемый компонент речевой деятельности и классификатор речевых жанров делового письма. По основной авторской интенции, заявленной с помощью прямых перформативных

предикатов, так формируется жанровая классификация, например: извинение, благодарность, поздравление, соболезнование и др. (с позиции взаимоотношений); просьба, рекомендация, напоминание и др. (исходя из побуждений к действию); сообщение, уведомление, запрос, предложение, согласие, отказ и др. (по цели передачи информации). Итак, деловое письмо есть официально-деловой жанр, для определения которого следует учесть: 1) коммуникативную модель; 2) риторическую форму; 3) стилистические особенности.

Явление контаминации в современной лингвистике является объектом широкой научной дискуссии. Исследователи В. А. Ицкович, Б. С. Шварцкопф, О. А. Лаптева и др. рассматривают контаминацию «исключительно как источник речевых ошибок» [Цит. по: 18, с. 80]. Противоположной точки зрения придерживаются исследователи Г. Пауль, В. В. Бабайцева, И. В. Пекарская, Н. С. Валгина, определяя ее характер как стабильный и нормативный [2]. Основным исследовательским материалом изучения стилистической контаминации в современной лингвистике являются медиатексты. Деловой дискурс, на первый взгляд, дает меньше возможностей для стилистической креативности, так как деловые письма регламентируются нормативными документами и строгими конвенциональными нормами. Однако анализ нашего исследовательского материала доказывает, что деловое письмо последовательно демонстрирует случаи смешения стилистических средств, относящихся к разным функциональным стилям. В качестве рабочего определения стилистической контаминации в деловом письме возьмем следующее: расширение речевого и стилистического поля, заключающееся в использовании не только кодифицированных единиц языка, но и разговорных речевых средств, выходящих за рамки официальной нормы.

Согласно требованиям официального стиля, которые были актуальны и в 30-е годы XX века, тексты деловых писем должны соответствовать следующим требованиям: точность, строго-четкое следование канонам. Однако в письмах наблюдается стилистическая контаминация. Присутствие контаминированных конструкций объясняется социокультурной средой этого периода и неустойчивостью зарождающихся норм деловой речи. Контаминант как фрагмент текста/речи: а) проявляется как индивидуально-субъективное отражение действительности, удовлетворяя ситуативно-обусловленные потребности субъекта речи; б) является механизмом самоорганизации языковой системы деловых текстов, поскольку нормы деловой речи находятся в процессе становления; в) имеет оттенок новизны, так как нарушает узус, отличается речевой непредсказуемостью; г) представляет собой эмоциональный, экспрессивный/оценочный синоним узуального выражения; д) является контекстуально-обусловленным, так как его значение/смысл реализуются в контексте.

Рассмотрим примеры такого стилистического несогласования на материале *Заявления* [4, д. 36, л. 19]. Адресат – директор Института; автор/адресант – Цейлин М. Г., мать студентки Миры Цейтлин, дата – 9.04.1937 г. Объем заявления – две страницы рукописного текста. Функционально документ может быть отнесен к жанру письма по критериям объема, содержания, интенции. Отметим, что подобная коммуникативная ситуация (письмо родителя студента, адресованное руководству вуза с целью оправдания, защиты или с целью получения определенных привилегий) встречается неоднократно в материале исследования. Референтная ситуация, изложенная в письме, заключается в следующем: студентка Мира Цейтлин получила заключение врача о необходимости длительного отдыха; на основании этого студентка попросила академический отпуск у руководства вуза, но получила отказ. Мать студентки в анализируемом заявлении дублирует просьбу об академическом отпуске. Лексический и грамматический строй текста указывает на то, что автор имел намерение создать его в официально-деловом стиле. Например, активно используется книжное клише с причастием (*вверенного Вам института*), с глаголами (*обращаюсь с убедительной просьбой, удовлетворить просьбу, предоставить отпуск*); лексическая избыточность, характерная для официальной речи (*факт нездоровья*); книжно-окрашенные синонимы (*безусловно* вместо *конечно*; *питание* вместо *еда*), производные предлоги (*благодаря этому*), официально-предложные конструкции (*по возвращению домой*), присоединительные конструкции (*т.е. имела*), сложно-подчиненные предложения (*т.к. не имела*), модальные конструкции (*я вынуждена буду*), причастие в функции указательного местоимения (*указанная справка*) и др.

В то же время в тексте мы находим много языковых средств, обладающих иной стилистической окраской. Разговорность и экспрессивность текста нарушают его официальный стиль. Выделим группу разговорных слов:

1. Контекст: *Чувствуя себя настолько скверно, что не в силах совершенно работать, обратилась к врачам, которые нашли состояние ее здоровья не благополучным.* Наречие *скверно* в толковом словаре Д. Н. Ушакова [15] маркировано пометой «разг.». Ощущение разговорности сохраняется и у современного носителя языка: помета «разг.» отсутствует в Малом академическом словаре (далее – МАС) [12], но в словаре С. И. Ожегова [9] прилагательное *скверный* маркировано этой пометой.

2. Контекст: *органическую химию провалила; органику провалила.* Глагол *провалить* в значении «не сдать экзамен, получить неудовлетворительную оценку» зафиксирован в словарях Д. Н. Ушакова и МАС с пометой «разг.»; в современном языке относится к разговорному и просторечному. Существительное *органика* не зафиксировано в словаре Д. Н. Ушакова, но имеет помету «разг.» в МАС. Официальный синоним *органическая химия* позволяет предположить, что окраска разговорности была у слова и в анализируемом периоде.

3. Контекст: *сдала латынь.* Существительное *латынь* зафиксировано в словарях Д. Н. Ушакова и МАС с пометой «разг.». Также существительное *аналитика* как название учебного предмета в словаре Д. Н. Ушакова имеет помету «разг.», в МАС не зафиксировано.

4. Контекст: *Если она не получит отпуска, то не имея сил тянуться вместе с курсом не сдаст сессию.* Глагол *тянуться* употребляется в значении «успевать, учиться наравне с другими, усваивать учебный материал»; в словаре Д. Н. Ушакова маркирован как разговорный, но не имеет пометы в МАС.

5. Контекст: *Начала прихварывать*. Глагол *прихварывать* в словаре Д. Н. Ушакова имеет помету «разг.», не обозначен в МАС как разговорный, хотя, на наш взгляд, разговорная и/или просторечная окраска очевидна для носителя современного русского языка.

Далее рассмотрим группу интенсификаторов, придающих тексту экспрессивность (что нарушает стиливые требования к официальному тексту). Например, наречие *совершенно* употребляется частотно, что является сигналом индивидуального речевого стиля автора, см.: *Не в силах совершенно, совершенно оставляет институт, совершенно нездоровый вид, совершенно больную*. Мы предполагаем, что активность наречия стилистически преднамеренна: адресат считал его уместным в контексте официального документа. Выводы об индивидуальности лексического запаса подтверждаются нечастотностью и полным отсутствием данного наречия в текстах других писем. Наречие *слишком* выражает субъективную позицию адресанта, см.: *слишком юный возраст, нагрузка слишком велика для почти детского организма*. В ряде случаев интенсификаторы являются лексически избыточными (*достаточно доказанным, просьба моей дочери вполне основательна и законна*). Семантика данных причастий и прилагательных *доказанный, законный* не требует оценки по шкале интенсивности. К интенсификаторам мы также относим частицы, см.: *уже с первого года, имела всего 16 ½ лет и др.*

В тексте широко используется оценочная лексика, выходящая за рамки официальной нормы. Например, с помощью неузуального для официального дискурса эпитета в словосочетании *немногословное заявление* автор формирует подтекстовые смыслы, характеризующие ее дочь: скромность, неопытность и слабость, – связанные с неумением и нежеланием активно (агрессивно) отстаивать свое право на льготы. См. контекст: *Получив указанную справку моя дочь написала немногословное заявление, считая факт нездоровья достаточно доказанным и что Вы безусловно войдете в ее положение дав ей отпуск с тем, что отдохнув и окрепнув, предварительно в ближайшие м-ца апрель май, она сдаст органич. химию, а затем осенью начнет вновь посещать 2-й курс*. С помощью оценочного прилагательного *тяжелый* автор выражает отрицательную оценку референтной ситуации и создает образ, призванный воздействовать на адресата, см.: *тяжелый год интервенции, в тяжелых условиях*.

Экспрессивность текста формируется с помощью речевого жанра упрека. Упрек в лингвистической литературе рассматривается как вид побуждения [3], как жанр, коррелирующий с жанром обвинения или неодобрения [1; 14; 16]. Жанр соответствует пресуппозиции: адресат упрека сделал нечто негативное, нарушающее представление говорящего о норме; говорящий считает необходимым и возможным с учетом социальных ролей указать адресату на неправильное поведение, тем самым побуждая его раскаяться и исправиться. Деловые письма подтверждают наличие такой пресуппозиции в деловой переписке: родители студентов реализуют право требовать от руководства определенного поведения по отношению к студентам. Как правило, это связано с идеологией и политической ситуацией того времени, когда каждый имел право контроля над идеологией других членов общества того времени. См. контексты: *Вы ее не освободили... Вы подошли к этому серьезному вопросу формально, как и чисто формально подошел бывш. директор института... но когда к Вам приходит студентка лично просить о помощи, Вы не можете не прислушаться*. Адресант строит жанровую основу упрека с помощью использования местоимения 2-го лица (*Вы*), глаголов в отрицательной форме (*не освободили*), модальных конструкций (*не можете*) и оценочных наречий (*подошли формально*). Упрек рассматривается как требование адресанта не повторять того, что стало поводом к упреку [16].

В тексте эксплицирован идеологический компонент, он нарушает официальный стиль, придавая письму публицистическое звучание: *В наше время, когда Партия и Правительство так бережно и чутко относятся к воспитанию нового поколения, когда тов. СТАЛИН говорит, что «мы должны выращивать каждого человека бережно и заботливо, как садовник выращивает любимое деревцо», – можете ли Вы не обратить внимание на тяжелое положение моей дочери, вина которой лишь в том, что ей всего 18 лет и что родилась в тяжелый год интервенции на Севере и не имела достаточного питания, т.к. жила в тяжелых условиях*.

Понятие идеологемы в современной лингвистике широко изучено. Исследователи определяют идеологему как «мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму» [6, с. 43], как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [7, с. 183]. Идеологемы *Партия, Правительство, Сталин* и прецедентная цитата из речи И. В. Сталина на приеме металлургов [13] являются средствами манипуляции и воздействия на адресата письма. Идеологические клише позволяют адресанту, опираясь на оппозицию «свои – чужие», эксплицировать свою социально-политическую позицию и выразить сомнение в «идеологической твердости» адресата. В результате включения идеологической составляющей упрек становится инструментом манипулирования. Это подтверждается риторическим вопросом-отрицанием: *можете ли Вы не обратить внимание...*

Логическая композиция документа следующая: описание ситуации (описание пресуппозиций и просьба) – рассуждение (обоснование просьбы) – вывод. Эмоциональная кульминация в тексте выражена с помощью речевого жанра угрозы. Адресант использует конструкцию с союзом *если* как менасив для достижения своей цели, см.: *Свою просьбу к Вам считаю вполне основательной и если вы вопрос этот не разрешите на месте, я вынуждена буду перенести его разрешение в Наркомздрав, так как не могу допустить, чтобы моя дочь была лишена права закончить свое образование*. По мнению некоторых исследователей, определяющим фактором, влияющим на возникновение угрозы, является распределение ролей: «Более высокий статус адресанта угрозы предполагает, что его роль значительнее роли адресата» [10]. Однако данное неэтикетное действие совершено адресантом вне статусных социальных отношений. По нашему мнению, адресант открыто обозначает иллюкутивную цель угрозы, так как политические и идеологические отношения в обществе 30-х гг. XX века

играли решающую роль во всех сферах социальной жизни. Каждый человек занимал определенную позицию в идеологической оппозиции «свой – чужой», определяющую его права: позиция «свой» позволяла диктовать условия, выдвигать требования, апеллировать к высшей инстанции и т.п. Отметим, что коммуникативная цель заявления была достигнута: студента М. Цейтлин получила академический отпуск [4, д. 36, л. 20].

**Таким образом**, явление стилистической контаминации в ЛД 30-х гг. XX века прослеживается в документах различных жанров, в т.ч. в деловой переписке. Специфика этого явления на функциональном уровне заключается в сочетании непреднамеренности, импульсивности использования языковых единиц и преднамеренности воздействия на адресата. Специфика стилистической контаминации на структурно-текстовом уровне состоит в том, что она соотносится с субъектом текста (создается адресантом; удовлетворяет коммуникативные потребности субъекта речи) и с синергетической структурой (является механизмом самоорганизации языковой системы деловых текстов).

Идеологемы в официально-деловом дискурсе являются маркерами стилистической контаминации, т.к. их употребление обуславливает переход на стилистический регистр публицистической речи. Идеологемы активно используются для обозначения места автора в оппозиции «свой – чужой», часто оказывая манипуляционное воздействие на адресат и заставляя его принять авторскую модальность, а также для достижения перлокутивного эффекта.

Стилистическая контаминация характерна для деловых документов 30-40-х годов XX века. Стилистическая контаминация в деловых письмах (сочетании официально-деловой книжности и разговорности) объясняется, прежде всего, социолингвистическими факторами. С одной стороны, деловая коммуникация указанного периода письменно фиксирует разговорный узус, привычный для адресантов с низким уровнем коммуникативной компетенции. С другой стороны, разговорность в деловых письмах в ряде случаев можно отнести к риторической категории, детерминирующей определенную стратегию воздействия на адресата.

#### Список источников

1. Белютина Ю. А. Моделирование коммуникативных актов «упрек» и «обвинение» в английском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 4 (44). С. 149-162.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и специальностям. М.: Логос, 2001. 302 с.
3. Гвоздева Н. В., Проценко Е. А. Один из способов выражения определенного вида побуждения при помощи местоименной вопросительной конструкции // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2019. № 5 (27). С. 52-59.
4. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 98. Оп. 18-312.
5. Есина Л. Судьба делового письма в России // Секретарское дело. 2007. № 12. С. 8-22.
6. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Уральского ун-та; ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
7. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня: сб. статей. М.: Азбуковник, 2000. Вып. 1. С. 182-189.
8. Мосеев Р. М. Деловое письмо в историческом аспекте // Секретарское дело. 2003. № 1. С. 13-15.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2005. 896 с.
10. Очеретина М. А. Угроза с точки зрения культуры речи [Электронный ресурс]. URL: <https://scicenter.online/kultura-rechi-stilistika-scicenter/ocheretina-ekaterinburg-ugroza-tochki-zreniya-138037.html> (дата обращения: 03.03.2020).
11. Русакова С. В. Деловое письмо: складывание традиций оформления (XIX век) // Секретарское дело. 2003. № 8. С. 19-23.
12. Словарь русского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. 800 с.
13. Сталин И. В. Сочинения. М.: Союз, 2007. Т. 14. Март 1934 – июнь 1941. 801 с.
14. Тетерлева Е. В., Ермигина В. В. Прагматические значения речевого акта неодобрения в англоязычном педагогическом дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. № 14. С. 84-90.
15. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. М.: Астрель; АСТ, 2000. Т. 4. 752 с.
16. Федорова А. Л. Косвенное выражение неодобрения в свете теории речевых актов // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 5. С. 826-830.
17. Федюрко С. Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля: дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2002. 141 с.
18. Шадрухина В. В. Активизация контаминированных конструкций в современном синтаксисе (на материале контаминированных конструкций с союзами *что* и *как*) // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 4 (37). С. 80-85.

### Stylistic Contamination in Business Correspondence of the 1930-1940s

Kornienko Kristina Borisovna

Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk  
selvi-ch@mail.ru

The article examines the phenomenon of stylistic contamination in business correspondence of the 1930-1940s. The researcher's attention is focused on identifying cases of stylistic contamination in the official style, which constitutes scientific originality of the study. To achieve the research objective, the author reveals genre peculiarities of business letters and analyses the mechanism of stylistic contamination in the business language. The findings indicate that extension of the stylistic and verbal field in personal record subgenres occurs due to the use of codified language units and conversational formulas.

*Key words and phrases:* personal record; business letter genre; hyper-genre; subgenre; stylistic contamination; ideologeme.